

Вашингтон Ирвинг

Вольферт Веббер,
или Золотые сны

Перевод с английского
Анания Бобовича

ФТМ

Вашингтон Ирвинг
**Вольферт Веббер,
или Золотые сны**

«ФТМ»

1824

Ирвинг В.

Вольферт Веббер, или Золотые сны / В. Ирвинг — «ФТМ», 1824

Вашингтон Ирвинг – первый американский писатель, получивший мировую известность и завоевавший молодой американской литературе «право гражданства» в сознании многоопытного и взыскательного европейского читателя, «первый посол Нового мира в Старом», по выражению У. Теккерея. Ирвинг явился первооткрывателем ставших впоследствии магистральными в литературе США тем, он первый разработал новеллу, излюбленный жанр американских писателей, и создал прозаический стиль, который считался образцовым на протяжении нескольких поколений. В новеллах Ирвинг предстает как истинный романтик. Первый романтик, которого выдвинула американская литература.

Вашингтон Ирвинг

Вольферт Веббер, или Золотые сны

В году от Рождества спасителя нашего тысяча семьсот... – каком точно, не вспомню, во всяком случае в самом начале прошлого века – в старинном городке Манхеттен обитал некий весьма почтенный бюргер по имени Вольферт Веббер. Происходил этот Вольферт Веббер от старого Кобуса Веббера из города Бриллис в Голландии. Что касается Кобуса Веббера, то он был одним из первых переселенцев, прибыл в провинцию еще во времена правления Олофа ван Кортландта, или иначе Сновидца, и прославился тем, что первый в этих местах взялся за выращивание капусты.

Участок земли, на котором когда-то осел Кобус Веббер со своею капустой, сделался с той поры достоянием рода, продолжавшего с похвальным и отличающим наших голландских бюргеров постоянством заниматься тою же отраслью огородничества. Несколько поколений сряду все семейные способности и дарования Вебберов были направлены лишь на то, чтобы изучить и улучшить этот некогда благородный овощ, и не в чем ином, как в этой концентрации мысли должно видеть истинную причину невероятных объема и славы, обретенных капустою Вебберов.

Династия Вебберов продолжалась непрерывною чередою, и никогда ни одна семья не предъявляла столь неоспоримых свидетельств законного происхождения всех ее членов. Старший сын наследовал от отца не только земельный участок, но и его внешность, и если бы были написаны портреты этого рода невозмутимых и спокойных властителей, они предстали бы перед ними рядом голов, которые являли бы собой поразительное сходство, как по форме, так и по величине, с овощами, над которыми они неограниченно властвовали.

Глава рода неизменно имел местопребывание в родовом замке, то есть в построенном на голландский манер доме из желтого кирпича, с фронтоном под двускатною островерхою крышей, увенчанною всегдашним железным флюгером-петушком. Все в этом здании имело добротный, почтенный вид. Стайки стрижей населяли крошечные деревянные домики, прибитые вдоль его стен; ласточки гнездились под навесом крыши, а всякий знает, что эти льнущие к человеку птички приносят счастье тому жилью, в котором нашли для себя приют. И в солнечное ясное утро, в начале лета, приятно и радостно было слушать их веселые, беспечные голоса, когда они порхали в чистом, пьянящем свежестью воздухе и как бы славословили своим щебетом величие и процветание Вебберов. Так-то спокойно и безмятежно произрастал этот блистательный род под сенью могучей чинары, которая мало-помалу разрослась настолько, что закрыла своею тенью весь их дворец. К их владениям все ближе и ближе подступал предместьями город. Поднимались дома, закрывавшие привычные виды; проселки, пробегавшие рядом, превращались в шумные и людные улицы; короче говоря, сохраняя обычаи и уклад сельской жизни, Вебберы начали чувствовать себя горожанами. И все же, несмотря на это, они держались своего наследственного характера и наследственных владений с тем же упорством и тою же цепкостью, с какими маленькие немецкие государи жмутся среди обширной империи. Вольферт был последним представителем рода и, унаследовав от предков родовую скамью у входной двери под родовым деревом, хранил скипетр и державу прадедов и представлял собою нечто вроде сельского князя внутри метрополии.

Дабы разделить заботы и радости единодержавия, он избрал помощницу и супругу – одну из тех превосходных женщин, которых зовут хлопотуньями; это значит, что жена его принадлежала к разряду тех маленьких домовитых хозяек, что всегда суетятся и всегда заняты, даже тогда, когда делать в сущности нечего. Ее деятельность, впрочем, приняла несколько одностроннее направление. Казалось, что вся ее жизнь посвящена непрерывному, самозабвенному, не имеющему ни конца ни края вязанью. Была ли она дома или в гостях, на ногах или в кресле,

спицы ее неизменно пребывали в движении, и утверждают, что благодаря своему неутомимому прилежанию она почти полностью обеспечивала свое хозяйство потребным количеством носков и чулок. Эту достойную чету небо благословило единственной дочерью, возвращенною с нежностью и заботливостью. На ее воспитание было положено неизмеримо много труда, так что она умела шить самую разнообразную строчкой, готовить варенья и соленья всякого рода и даже вышить по канве свое имя. Влияние ее вкусов и склонностей можно было заметить на их огороде, где, наряду с полезным, появилось и то, что попросту радует глаз; так, например, ряды горделивых златоцветов, или иначе ноготков, и великолепных мальв окаймляли грядки с капустою, и гигантские подсолнечники склоняли на изгородь свои тяжелые круглые лица, и казалось, что они со страстью и увлечением строят глазки прохожим.

Так-то мирно и безмятежно существовал Вольферт Веббер – единодержавный властитель унаследованных им родительских акров. Впрочем, и у него, как у всех сильных мира сего, бывали свои заботы и огорчения. Рост родного города вызывал в нем порою досаду. Его небольшой участок земли мало-помалу оказался зажат улицами и домами, которые мешали притоку воздуха и заслоняли собою солнце. К тому же время от времени огород его подвергался нашествиям пограничного люда, который обычно бесчинствует на рубежах государства, и эти ночные набеги стоили ему иногда нескольких взводов его наиболее благородных подданных, уведенных в плен неприятелем. Если ворота почему-либо оставались незапертыми, сюда также, случалось, вторгалась какая-нибудь праздношатающаяся свинья, оставлявшая за собою пустыню и разорение, а негодяи-мальчишки частенько предавали обезглавливанию знаменитые на всю округу подсолнечники – гордость его огорода, – нежно и томно склонявшие свои головы над забором. Но все это были в сущности пустяковые огорчения, которые могли порою смутить поверхность его души, подобно летнему ветерку, смущающему легкою рябью поверхность мельничного пруда, но которые не могли нарушить по-настоящему глубоко заложенное спокойствие его духа. В таких случаях он брался за свою верную, надежную палку, что стояла постоянно за дверью, выбегал внезапно наружу и награждал ею спину дерзкого нарушителя собственности, будь то свинья или какой-нибудь сорванец, после чего, поразительным образом освежившись и успокоившись, возвращался домой.

Главная причина тревоги честного Вольферта заключалась, однако, во все возрастающем процветании города. Стоимость жизни удвоилась и даже утроилась, тогда как не в его власти было удвоить или утроить величину капустных голов, а о том, чтобы повысить их пену, не могло быть и речи, ввиду возросшего числа конкурентов. Таким образом, вследствие того что все вокруг него богатели и богатели, Вольферт становился все бедней и бедней и сколько ни бился, не видел средства, способного избавить от этой беды.

Эта все возрастающая со дня на день забота накладывала постепенно свой отпечаток и на облик нашего почтенного бюргера. Дело дошло до того, что на его лбу появились две – три морщины – вещь в семействе Вебберов дотоле неслыханная, – и казалось, что она-то и загнула вверх углы его треуголки, придав ей выражение какой-то встревоженности, совершенно не свойственное невозмутимым широкополым кастановым шляпам с низкою тульей, которые носили когда-то его славные предки.

Возможно, что даже это не нарушило бы всерьез ясности его духа, будь на нем бремя заботы лишь о себе да жене, но ведь была еще подраставшая дочь, а всему свету известно, что когда дочери становятся взрослыми, они требуют такого присмотра и такого ухода, какого не требует ни один плод и ни один цветок на всем белом свете. Я не обладаю талантом описывать женские чары, не то я с радостью изобразил бы, как медленно и постепенно расцветала эта красotka-голландка; как синие глаза ее делались все глубже и глубже, ее яркие губки все алей и алей, как в свежем дыхании своих шестнадцати лет она мало-помалу созревала и округлялась, пока в семнадцатую весну ее жизни не стало казаться, что еще немного – и она разорвет пути своего корсажа и распухнет пышным цветком, словно бутон расцветающей розы.

О, если бы мне было дано изобразить ее такую, какую бывала она по утрам в воскресенье, во всей роскоши наследственного наряда, что хранился в старинном голландском шкафу, ключи от которого ей доверила мать! Подвенечное платье прабабушки, слегка перешитое в соответствии с модой, украшенное богатой отделкою и передаваемое из поколения в поколение вместе с наследственным ткацким станком; матовые темные волосы, приглаженные с помощью пахтанья о ровные, лишь слегка вьющиеся пряди, лежащие по обе стороны чистого лба; цепь из желтого самородного золота, обвивавшая стройную шейку; маленький крестик, покоящийся у самого входа в сладостную долину блаженства, как бы для того, чтобы освятить это место и... но, черт возьми, не такому старику, как я, заниматься описанием женских прелестей. Достаточно сказать, что Эми пошел восемнадцатый год. Уже давно на ее канве появились сердца влюбленных, пронзенные безжалостною стрелою, и так называемые узелки верности, вышитые шелком темно-синего цвета; было очевидно, что она стала томиться по занятию более интересному и привлекательному, чем выращиванье подсолнечников или засолка на зиму огурцов. В эту критическую пору в жизни женщины, когда сердце в девичьей груди, подобно своей эмблеме – медальону, что ее украшает, способно вместить лишь один образ – образ возлюбленного, – в доме Вольферта Веббера появился новый и частый гость. Это был Дирк Вальдрон, единственный сын бедной вдовы. Впрочем, он мог бы похвастать большим числом отцов, чем любой другой парень в провинции, ибо его мать имела ни больше ни меньше, как четырех мужей и одно-единственное дитя, так что, хотя он и был рожден от последнего брака, его можно было бы счесть запоздалым плодом долгих и усердных трудов. Этот сын четырех отцов вобрал в себя силу и другие достоинства всех породивших его. Если он и не происходил из большой и славной семьи, то ему самому, казалось, предстояло оставить после себя семейку немалых размеров, ибо достаточно было взглянуть на этого крепкого молодца, чтобы сразу увидеть, что он предназначен самою природою сделаться родоначальником могучей расы богатырей.

Этот юноша мало-помалу сделался чрезвычайно частым гостем семейства Вебберов. Говорил он немного, зато засиживался подолгу. Он набивал трубку отца, как только она выгорала; поднимал вязальную спицу матери или клубок ниток, когда они падали на пол; гладил пушистую шерстку рыжей с черными пятнами кошки и помогал дочери управляться с чайником, доливая его кипятком из ярко начищенного медного котелка, который пел свои песни на очаге. Все эти маленькие услуги могут показаться сущими пустяками, но всякий раз, когда истинная любовь переводится на нижеголландский, она неизменно находит свое наиболее красноречивое выражение только так, и отнюдь не иначе. Все это не осталось без отклика в семье Вебберов. Милый юноша снискал несомненную благосклонность матери; рыжая с черными пятнами кошка, хотя и принадлежала к числу наиболее равнодушных и жеманных представительниц своего вида, также, судя по ее поведению, одобрительно относилась к его визитам; котелок при его приближении начинал петь веселее и, казалось, приветствовал его своим «добро пожаловать», и если мы правильно прочитали застенчивые и робкие взгляды дочери, сидевшей за шитьем рядом с матерью, напустив на себя неприступный и важный вид – на ее лице играли при этом ямочки, – она тоже несколько не уступала в своем расположении к гостю ни госпоже Веббер, ни старой кошке, ни котелку на огне.

Лишь один Вольферт не замечал, к чему клонится дело; погруженный в глубокие думы о росте города и капусты, он сидел и глядел в огонь, не роняя ни слова и попыхивая своею трубкой. Впрочем, как-то в позднюю пору, когда отменно любезная Эми, соблюдая обычай, проводила своего возлюбленного со свечою в руке до выходной двери и он, также соблюдая обычай, чмокнул ее на прощанье, громкий звук его поцелуя отдался эхом в длинной пустой прихожей с такою силою, что достиг даже тугого на ухо Вольферта. Он медленно и не сразу докопался до нового источника беспокойства. У него и в помине не было мысли о том, что его собственное дитя, которое, казалось, еще только вчера карабкалось к нему на колени и играло в куклы и с детскими домиками, станет вдруг помышлять о возлюбленных и замужестве. Он протер

глаза, огляделся и, наконец, понял, что, пока он грезил о разных вещах, его девочка превратилась в зрелую женщину и, что хуже всего, успела влюбиться. Это обстоятельство явилось причиной новых забот бедного Вольферта. Он был добрым отцом, но вместе с тем он был рассудительным человеком. Избранник Эми был парень трудолюбивый и деятельный, но не обладал ни землей, ни деньгами. Мысли Вольферта всегда вертелись вокруг одного и того же: в случае замужества дочери он не видел никакого другого исхода, как выделение молодым части своего огорода, доходов с которого и так едва хватало на текущие нужды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.